

ELSEVIER

Available online at www.sciencedirect.com

ScienceDirect

Russian Literature 142 (2023) 1–15

Russian Literature

www.elsevier.com/locate/ruslit

«НАВЬ И ЯВЬ» В «ДНЕВНИКЕ МЫСЛЕЙ»
АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА.
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 1953 Г. ☆

“NAV’ AND IAV” (THE SPIRIT WORLD AND
THE WAKING WORLD) IN ALEXEI
REMIZOV’S *DIARY OF REFLECTIONS*.
JANUARY–FEBRUARY 1953 ☆

Алла Грачева (Alla Gracheva)^a,
Ольга Линдеберг (Olga Lindeberg)^a,
Любовь Хачатурян (Lyubov Khachaturian)^b

^a *Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation*

^b *Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russian Federation*

Available online 21 September 2023

DOI of article with diary entries: <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2023.10.001>.

☆ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е –1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А.М. Ремизова)»; <https://rscf.ru/project/22-28-00165/>, ИРЛИ РАН.

E-mail addresses: ichnelat@rambler.ru (А. Грачева), olinde08@gmail.com (О. Линдеберг), rgali2010@yandex.ru (Л. Хачатурян).

<https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2023.09.002>

0304-3479/© 2023 Published by Elsevier B.V.

Abstract

In this introductory article, the authors contextualize Alexei Remizov's diary entries of January–February 1953, which are published in this *Russian Literature* volume for the first time. Remizov kept a diary almost throughout his entire life. The authors explain Remizov's method of conducting diary writing and the evolution of his diary entries. They analyze the correlation of sleep and wakefulness in daily records, as well as numerous references by Remizov to the “transcendental nature of dreams” (as defined by the philosopher Pavel Florenskii). And they devote special attention to the transformation of dream motifs and Remizov's search for their literary form in the process of creating his later works, *The Fire of Things* (*Ogon' veshchei*, 1954) and *Martyn Zadeka. Dream book* (*Martyn Zadeka. Sonnik*, 1954).

© 2023 Published by Elsevier B.V.

Keywords: Diary; Alexei Remizov; Self-writing; Russian Modernism; Russian Symbolism; Russian Emigration

Если открыть любой разворот дневников Алексея Ремизова двух последних десятилетий, то записи покажутся странными, менее всего напоминающими дневник в привычном смысле этого слова. Слева – бухгалтерская книга учета: цифры, фамилии, франки. Справа – «книга мертвых»: заметки о разговорах, путешествиях и даже дуэлях с людьми, ушедшими из жизни много лет назад. Тем не менее, именно к этой форме внутреннего диалога Ремизов шел всю свою жизнь.

Алексей Михайлович Ремизов вел дневники более шестидесяти лет. Записи не были непрерывными: периодическое возвращение к ведению дневника было вызвано новыми, чаще всего крайне тяжелыми жизненными обстоятельствами, которые требовали осмысления происходящего, и не только в художественных образах. Таких периодов в жизни писателя насчитывалось как минимум три. Каждый раз возвращаясь к ведению Дневника, Ремизов использовал обновленную жанровую структуру, оптимально соответствующую поставленной задаче. Учитывая это, применительно к обширному сохранившемуся корпусу дневников, мы можем говорить как об изменении интенции, так и о формальной эволюции *Дневника* Алексея Ремизова на каждом этапе ведения записей.

Первым этапом рефлексии стали наполненные событиями годы студенчества, участия в демонстрациях, период арестов и ссылок. Дневник 1895–начала 1900-х годов не сохранился; вполне возможно, что он и не велся в традиционной форме. Участвовавший в революционном движе-

нии Ремизов четко усвоил правила конспирации: фиксация невысказанных мыслей и даже краткий отчет о событиях дня могли стать идеальным свидетелем обвинения против автора и близких ему людей. Однако записи дневникового типа, несомненно, присутствовали в его жизни. По свидетельству Ремизова, в 1900-х гг. он сам уничтожил свои ранние творческие рукописи и дневники.¹ Более того, их следы можно найти в сохранившемся эпистолярном наследии 1895–начала 1900-х гг.²

Следующим кризисным периодом стало время русской революции и гражданской войны. К тексту 1917–1921 гг.³ Ремизов относился совершенно иначе. «Второй дневник» воспринимался автором как уникальное свидетельство исторических событий, которое необходимо сохранить и обнародовать.⁴ Практически сразу часть дневника (записи с августа по декабрь 1917 года) была переработана в цикл публицистической хроники и опубликована в газете «Народоправство» под авторским заглавием «Всеобщее восстание. Временник».⁵ Помимо «хроники текущих событий» (встречи, разговоры многочисленных знакомых, слухи и ожидания) и «голосов улицы» (частушки, анекдоты, листовки, лозунги), в дневниках этого периода Ремизов начал записывать сны, в художественной обработке превращавшиеся в почти апокалипсические видения:

Снилось мне <...> вижу на небе огромный ключ <...> ключа уже нет, исчез, а на его месте Б<ожья> М<атерь> такая же, как ключ, железная. // — Посмотрите Б<ожья> М<атерь> теперь! // А в это время и Б<ожья> М<атерь> исчезла, а стоит Христ<ос> золотой с огромным посохом и говорит: // — Становитесь на колени, сейчас будет конец света.⁶

На фоне исторических событий дневниковые записи становятся все более безличными. «Кризис идентичности» связан у Ремизова не только с абсолютной невозможностью реализовать себя в творчестве, с «бесполезными днями», но и с исчезновением снов. Это состояние фиксирует дневник ноября 1919 г.:

Последние дни такие темные. Думал: подам прошение Совет<у> Народ<ных> Комис<саров> расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать <...> Сны мне больше не снятся <...> Истомленный ложусь и сплю. Свиная жизнь наша».⁷

В это же время Ремизов осваивает принципиально новый тип записей — графический дневник, в котором события отражаются в ежедневных

зарисовках, постепенно образующих альбомы рисунков. Именно так Ремизов вел свой прощальный дневник – «Последний путь из России 1921 г. 5 августа». ⁸ Графический дневник использует все преимущества ранних форм словесного Дневника. Рисунок более конспиративен, чем прямое высказывание. При этом он полностью функционален: помимо завуалированной фактографии, передает рефлексию события, в том числе широкий спектр эмоциональной оценки. В 1930-х гг. в творчестве Ремизова этот тип дневников преобладал, писатель создал целую серию уникальных альбомов, находящихся сейчас в РО ИРЛИ, РГАЛИ и ГЛМ, а также в частных собраниях. ⁹

Третий этап эволюции дневника связан с событиями Второй мировой войны, более точно – с оккупацией Франции. С июня 1940 года, кроме нескольких коллаборационистских изданий, в которых Ремизов не принимал участия по принципиальным соображениям, русская пресса прекратила свое существование. Возможность публикации, как и сама практическая база для зарабатывания денег, отсутствовали. Ремизову исполнилось шестьдесят три года, тяжело и неизлечимо была больна его жена, С.П. Ремизова-Довгелло. Круг знакомых начал стремительно сужаться. В таких условиях в ноябре 1941 года после долгого перерыва Ремизов начал вести дневник под заглавием «Моя отходная», делая записи на правой стороне разворота тетради в 1/16 листа. Позднее, вспоминая о годах оккупации, он охарактеризовал обстоятельства появления и тип возникшего текста так:

Вот уж три года, как я ничего не пишу. И только снится: кто-то с глазами полными слез стоит передо мной. И я начал себе “отходную”, что был человек, был обуян словом, маньяк, и все кончилось, ушли слова и осталось порожнее место, засыпано цифрами продовольственных карточек, и очень хочется спать. Отходной я не кончил, вместо слов пошли рисунки, ¹⁰ так легче, и втянулся, по-лошадиному засыпаю в очередях, стоя». ¹¹

В этот период смысловая насыщенность дня практически исчезла; ведущую роль стали играть сны. Произошла инверсия суток: день был предоставлен автоматически выполняемым бытовым обязанностям, чтобы дожить-дотянуть до ночи, как бы «освобождающей» время. Инверсия затрагивает и структуру дневника. Дневные записи крайне лапидарны, они сокращаются до нескольких строк, посвященных, главным образом, теме добывания еды (и в этом Дневник 1941 года напоминает записи 1917–1921 гг.). Сны же записывались полностью, получали заголовки, рисунки и цветные заставки:

1941.XI

Пещерная жизнь

Одна мысль о тепле. Лопнули трубы: от уборной и как достать воды и какой-нибудь еды и ч<то>-<ни>б<удь>. Ночь была без пробуду. Ночью в мою пещерную жизнь приходят сны.

Обыкновенно я не запираю наружных дверей: дверь всегда приоткрыта. Но тут я хорошо помню, что захлопнул. И слышу кто-то вошел. Я хотел отворить кухонную дверь, и долго не мог: какая-то сила держала ее. А когда отворил, ко мне вошел карлик: очень тоненький в черном колпаке и весь в черном — блестящий как высеребранный. И такое же лицо блестящее стекло. Он мне подал кувшинчик с молоком.

— С лунным молоком.

И книгу старой золотой парчи — Жар-птицы.

А раньше: вижу под высокой аркой в зелени Лермонтов на нем мундир с желтым воротником и фуражка с желтым околышем. И мы пошли по берегу Яузы под благовест Андрониева монастыря. Кругом репей и старые ветлы на жаре спящие «коты» (с Хитровки). Заглядывая в глаза, я ем<у> хочу напомнить о себе, — но скушный — в его глазах кремнистый путь блестит — не узнает меня.¹²

Тринадцатого мая 1943 года Серафима Павловна Ремизова-Довгелло умерла. За несколько дней до ее смерти Ремизов в очередной раз вернулся к прерванному дневнику, но регулярные записи возобновились только с конца мая 1943 года и уже на прекращались до ноября 1957 г.,¹³ несмотря на прогрессирующую слепоту писателя.

Смерть жены семантически девальвировала все возможные события дня, поэтому их записи в Дневнике сведены к минимуму. Дневник получил совершенно особую структуру, понять которую можно только исходя из осмысления всего корпуса дневниковых записей. Типологически последний ремизовский ежедневник ближе всего к записям, которые в 1919–1920 г., в охваченной гражданской войной России вел друг писателя – Лев Шестов. Он назвал эти заметки «Дневник мыслей».¹⁴ Впоследствии Ремизов использовал это название для обозначения своего труда.¹⁵ Подобный тип дневника, в котором последовательность мыслей преобладает над последовательностью событий, сочетается в поздних записях Ремизова с нелинейным пониманием времени. Прошое, настоящее и мыслимое будущее существуют в Дневнике имманентно, образуя некую вневременную реальность. В качестве примера можно привести записи снов, где прошое и будущее сплетены в единую ткань пространства-времени:

Сон с 16-17 апреля 1952 г.

Иду с огромным человеком, черный великан. Это Сталин. Вижу, пробегает тоненький, на шее пестрый платок – это Савинков. Я знаю, Савинкова поймают и убьют.

«Поймают и убьют» Бориса Савинкова, знакомого Ремизова еще со времен их пребывания в Вологодской ссылке,¹⁶ 7 мая 1925 года. В пространстве сновидений эта дата стала будущим по отношению к ночи на 17 апреля 1952 года, в которой Савинков жив, и Ремизов пытается помочь ему укрыться от преследования, при этом не просто предполагая, а точно *зная*, что помощь безнадежна. Прошлое и будущее во сне не взаимосвязаны, а взаимодополняемы, и Ремизов полноценно присутствует в обоих временных измерениях, как в настоящем.

Типологически неразложимость времени в сновидческом восприятии Ремизовым прошлого, настоящего и будущего также восходит к получившей широкое распространение среди творческой интеллигенции Серебряного века работе Павла Флоренского «Иконостас» (1919 - 1922). Флоренский связывает «обратное» течение времени с изначальным разделением тварного мира на «видимые и невидимые», где сон (точнее – «предсонье», что так понятно Ремизову) служит гибкой и очень условной границей между сущностями. «Но эти два мира – мир видимый и мир невидимый – соприкасаются. Сон – вот первая и простейшая, т.е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом».¹⁷ Течение времени в сновидении Флоренский назвал «трансцендентальным», то есть выходящим за пределы обыкновенного чувственного опыта: «Сновидения имеют особую, не сравнимую с дневною, меру времени, “трансцендентальную”. <...> Время действительно может быть мгновенным и обращенным от будущего к прошедшему, от следствий – к причинам».¹⁸ Сейчас подобный подход назвали бы, скорее, диахроническим – не вне-временным, а сквозь-временным срезом пространственно-временного континуума.

Вот эту диахронию, двойной срез времени, фиксировал дневник. Почти все рабочее пространство тетради отдано творческому освоению сновидений, и на этот раз записи снов не только количественно, но и графически доминируют над хроникой дня. Тетрадь дневника вертикально разделена на две части (левая и правая стороны разворота). На левой стороне предельно кратко заносились события дня: ограниченная скобкой дата, поданные в виде нумерованного списка имена и прозвища посетителей. В период войны запись была дополнена указаниями на «алерт» (сигнал «воздушная тревога»), информацией о получении по-

сылки или небольшой денежной помощи. Вот почему левая (дневная) сторона Дневника напоминает бухгалтерскую книгу прихода и расхода:

25) Лурье
Maugé
Lira.¹⁹

Правая сторона тетрадного разворота предоставлена сновидениям и заметками о них. Теперь только здесь, на правой (ночной) стороне Дневника, мы можем увидеть подлинную жизнь Алексея Ремизова:

25-26. I. <1953>

Как, я не знаю, но вижу себя в воздухе на такой высоте, откуда земли не видно. Я плыву в чистом небе – не пустом, а наполненным морем движущегося воздуха.

Мне ясно все ничтожество моего существования человека – моей власти. Земля – песчинка в этом воздушном море, человек – поднявшийся пузырь. Для чего это все, эту тайну я не разгадаю. И только чувство, останется ли от меня ч<то>-н<и>б<уть> или только пар, незаметный с моей высоты?

Я был вознесен – я понял – над Конкорд.

Я различаю большое пространство – Вандомская колонна! – и какая пустыня.²⁰

«Сны и предсонье» начала 1953 года отражают важнейшее и окончательное решение Ремизова – не возвращаться в СССР, решение, принятое им, несмотря на полученный в 1947 году советский паспорт. В его снах Россия присутствует во множестве ипостасей: это и бесконечные пересадочные станции; и московские Сыромятники, где находились владения дядей Ремизова – фабрикантов Найденовых, а также тот флигель, где он жил в детстве и юности с матерью и братьями, и сказочный сад, в котором, тем не менее, крайне опасно оставаться.

14-15.I. <1953>

Мы живем в саду. Какой печальный день. К нам приходят ночевать акробаты – они свертываются змеей. У меня чувство: безысходность – или это мысль о «Тристане», не выйдет. Узнаю. «Найденов арестован, сидит в тюрьме».²¹

Любопытно, что хозяин сказочного сада – «черный великан» – будет присутствовать в снах и после получения Ремизовым известий о смерти

Сталина. Увиденные в хронике, на плакатах и газетных фотографиях черты, привычки, характерные жесты «вождя народов» в снах нередко соотнесены с образами сказочных злодеев:

16-17.Ш. <1953>

Попал к великанам. Один со змеиным ртом в черном с бриллиантовыми запонками – покровительственно. Он стоит. А другой сидит – людоед. Он посадил меня на колени, расставив ноги. И я узнаю, да это Сталин.²²

И все же центральный лейтмотив снов – творчество. Сны, непредсказуемый конгломерат памяти и воображения,²³ придают творческому импульсу небывалые возможности. В снах Ремизов в самом буквальном смысле находится внутри текста, устанавливая взаимосвязи, недоступные реальности. Чтобы стать художественным текстом в реальной жизни, сны нуждаются в переводе из «нави» (из мира ушедших и пространства фантазии) в «явь», при этом последнюю Ремизов парадоксально размещает внутри самого сна.

15-16. I. <1953>

<Четыре> светящиеся строчки – каждая буква с наливом. Это мое. Я смотрю, но мне не прочесть.

Огромный экран в стену, в пространство театрального занавеса светящиеся строчки – море блестящих узелков. И замечаю обрывок моей рукописи. Я его выловил. Это когда отливали шрифт, попал кусочек. Заключение: будут читать по радио.²⁴

13-14. II. <1953>

Затея (не оригинальная и только неожиданно): предметное письмо. Я собрал мелочь: кубики, колесики, стрелки. И моя рукопись превратилась в конфетную коробку. И эту полную коробку я положил в большой ящик.

Всякое литературное произведение, в сущности, ящик, в котором маленькая коробка. А ведь бывает, что просто пустой ящик.²⁵

21-22. II. <1953>

Как соединить «Огонь вещей» со «Звездой-полюнью». Гоголя с Достоевским. В этом – разбирая рукописи – прошел час сна. Ведь общее: «Сны в русской литературе». Сны Достоевского – только рисунки.²⁶

Как авторский перевод снов «из нави в явь» созданы знаковые работы Ремизова 1950-х гг. – книги «Огонь вещей» и «Мартын Задека. Сонник». В очерке «Тонь ночи» Ремизов раскрывает правила перевода:

Из тысячи снов я выбираю сто. <...> Можно ли сочинять сны, как сочиняют стихи? В сложении стихов мера колышет воображение и вызывает образ, а сонная несообразность неизмерима. <...> жизнь не ограничивается дневными событиями трехмерной реальности, а уходит в многомерность сновидений, равносущных и равноценных с явью <...> И опять я спрашиваю себя: пробуждение из смертного без сновидений сна в утро другого мира не есть ли переход в бескровное чистое сновидение?²⁷

Чтобы рассмотреть технику ремизовского перевода, мы можем сопоставить вышеприведенный сон в ночь с 16 на 17 апреля 1952 г. о Борисе Савинкове и его литературное переложение – очерк «Савинков».²⁸

Сон	«Савинков»
Иду с огромным человеком, черный великан. Это Сталин. Вижу, пробегает тоненький, <i>на шее пестрый платок</i> – это Савинков. Я знаю, Савинкова поймают и убьют.	Вернулся тайно в Россию Б.В. Савинков. И когда это стало известно, говорят мне: — Есть единственный способ поступить с ним по-дружески: идите и застрелите его сонного. <i>Иначе все равно его повесят.</i> Я взял с собой револьвер и действительно нашел Савинкова в моей комнате: лежит на кровати, спит. <...> И говорю ему: — Борис Викторович, давайте вместе застрелимся? А он — головой так: не хочет, значит, не согласен. <...> И бросив револьвер, я твердо пошел к окну.

Ремизов делил писателей на «глазастых» и «ушастых», относя себя к последним.²⁹ 1953 год был во многом переломным для писателя: его и без того плохое зрение (11 диоптрий) стало необратимо ухудшаться, что в конце жизни привело к почти полной слепоте. На фоне прогрессирующей миопии творческое сознание Ремизова полностью перемещается из расфокусированного мира (и здесь уже не могли помочь никакие очки) в пространство, вновь постигаемое «подстриженными глазами». Графически это можно проследить в поздних дневниках 1956 - 1957 гг. Ломается четкая структура записей: строчки наезжают друг на друга, текст стремится к минимуму, буквально каждое слово (иногда – слог) требует расшифровки. В январе-феврале 1953 года до этого еще несколько лет; но уже здесь явственно проступает тема небытия, и даже сами размышления о нем происходят внутри сновидений:

21-22. I <1953>

Будут ли меня после моей смерти бояться? Согласится ли кто переночевать в «кукушкиной»?

Нет. Я уверен. А на самом деле: ничего злого я в себе не чувствую. Настолько, что не могу понять, когда говорят о «злом начале», хотя вижу, сколько может зла сделать человек человеку. Но от злого ли это начала, как принято думать? Как часто от душевной бедности – зависть.

И еще скажу: у меня нет зависти, нет честолюбия, и не знаю мстительности.

С этой точки зрения последний и единственный непрерывный дневник Ремизова можно рассматривать как начавшееся 13 мая 1943 года осознанное, последовательное движение к пространству «чистого сновидения», где реальное, отсчитываемое время сжимается до нескольких цифр, и, по словам Иосифа Бродского, «столкнувшись с памятью, узнаёт о своем бесправии».

* * *

Текст дневниковых записей публикуется впервые³⁰ по автографам, находящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Расшифровка и адекватная передача текста дневниковых записей стала серьезной научно-исследовательской задачей. Ремизов не вносил исправлений в уже созданные записи, поэтому выявление намеренно искаженных слов или описок автора привело в ряде случаев к созданию нескольких вариантов транскрипции. Немалую сложность представляла расшифровка авторских неологизмов и сокращений, а также передача индивидуальной ремизовской пунктуации, значительно расходящейся с нормами не только современными, но и действовавшими до реформы правописания 1917 г.

В настоящем издании сохранены особенности авторского текста: интонационная пунктуация (многоточия, тире, запятые), намеренное использование устаревшего правописания и прописных букв. В тех случаях, когда пунктуационные знаки не несли грамматической или интонационной нагрузки, текст приведен к современным нормам. Исправлены характерные ошибки в написании знаков препинания (например, две или четыре точки вместо многоточия), явные описки и несогласование падежей.

В тексте не раскрываются часто используемые Ремизовым и понятные инициалы. Расшифрованы авторские сокращения (например, «п. ч.»)

(«потому что»)). Для неразборчивых фрагментов текста сделана помета <нрзб.> с обозначением количества неразборчивых слов, строк или абзацев. События дня вынесены в текстуальные примечания, расположенные внизу страницы, посетители квартиры Ремизова комментируются без знака сноски. Независимо от того, является ли персоналия гостем Ремизова или персонажем сновидения, биографические сведения приводятся там, где она упомянута впервые.

«Дневник мыслей» Ремизова создавался автором не для печати, поэтому он основан на индивидуально-авторской системе шифровки упоминаемых в нем лиц. Большинство из них обозначены инициалами, относящимися только к фамилии, имени и фамилии или к имени и отчеству; некоторые фигурируют под ремизовскими прозвищами. Наиболее часто встречающиеся инициалы (например, С. П. — Серафима Павловна) в тексте не раскрываются. Все фамилии, а также постоянно встречающиеся инициалы и прозвища раскрыты в примечаниях в конце текста.

Примечания

1. Грачева, 2003, с. 184.
2. Грачева, 1998, с. 121–177.
3. Ремизов, 1994, с. 407–549. Дневник А. М. Ремизова 1917–1921 гг. состоит из 9 рукописных тетрадей и вложенных в них отдельных листов. Большинство тетрадей сохранились плохо, часть текста утрачена. А. М. Ремизов систематизировал дневник дважды: в 1920-е гг. (период работы над книгой «Взвихренная Русь») и в 1948 г. В последнюю тетрадь вложены переписанные от руки и вырезанные из газеты «Народоправство» публикации.
4. См., например: «Петербург это какой-то тушинский лагерь». <...> Русские люди в смуту до того были вероломны, что даже получили имя перелеты. <...> Иногда на меня приходит уныние, что русское дело пропало, что тушинцы, увлекая за собой чернь пряниками, сотрут нас, погибнет и литература русская: спрос пойдет на потаковнические мазки и кинематографическую легкость. Но я утешаю себя метлою: чую всей душой что еще один захват еще одна боль и метла подыметя и сметет самоизбранников. Ремизов, 1994, с. 437–438.
5. Ремизов А. Всеобщее восстание. Временник. 1. Суспиция. 2. Кровавый мор. 3. Звезда сердца // Народоправство. 1917. № 5. 1 авг.; 4. По ратным мукам. 5. Между сыпным и тифозным. 6. Огненная мать-пустыня. Там же. № 10. 25 сент.; 7. Язык запал. 8. Тощета великая. 9. Хлеба. Там же. № 12. 16 окт.; 10. Суд непосужаемый.

11. На своей воле. 12. Красный звон. Там же. № 18-19. 25 дек. В 1927 г. на основе заметок «Временника» была создана книга А.М. Ремизова «Взвихренная Русь» (Ремизов, 2000, с. 7-398).
6. Ремизов, 1994, с. 483.
7. Ремизов, 1994, с. 487.
8. Альбом рисунков. Бумага, графитный карандаш, тушь. 5–9 августа 1921, 1948, 1949 гг. 29 л. (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 44). В 1948 г. А.М. Ремизов обвел тушью рисунки, изначально выполненные графитным карандашом, и наклеил рисунки альбома (линованная бумага в клетку) на бумагу с филигранью Ideal Paper. 17 января 1948 г. было выполнено посвящение Н.В. Кодрянской: «Н.В. Кодрянской в ее рукописное собрание “моих документов” как шла жизнь. А как не хотелось мне уезжать из России! Алексей Ремизов» (Л. 1). Альбом подарен Ремизовым Н.В. и И.В. Кодрянским, впоследствии поступил в собрание ИРЛИ РАН (поступление 27 июня 1963 г. № 28). Публикация отдельных листов (1, 2, 6): Пушкинский дом. Книга-альбом. М., 2003, с. 349; Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. Об отъезде и путешествии Ремизовых см.: Обатнина, 2021, с. 380-381; Флейшман, 2016, с. 42–75; Обатнина, 2018; Ремизов, 1994, с. 8–45); Грачева, 2000, с. 589-604.
9. РО ИРЛИ. Ф. 256; РГАЛИ. Ф. 420; ОРФ ГЛМ. Ф. 156. О составе т.н. «парижского архива» А.М. Ремизова, поступившего в 2012 г. в ГЛМ (Ф. 156. Оп. 2) см.: Урюпина, 2015, с. 186-192. См. также перечень «графических дневников», хранящихся в собраниях России: Грачева, 1992, с. 13-14.
10. Крайне интересен Графический дневник 20 апреля – 16 августа 1940 года, также обязанный своему существованию цензурным ограничениям. В позднейшей надписи на обложке альбома Ремизов свидетельствовал: «Вынужден был прекратить: под угрозой обыска имена, хотя бы и приснившиеся, – отвечают. Я продолжал рисовать, но без подписей, в отдельных альбомах, а не на листах». – РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1.
11. Ремизов, 2019, с. 543.
12. Грачева, 2010, с. 503.
13. А.М. Ремизов умер 26 ноября 1957 г. Первые четыре тома Дневника опубликованы: Ремизов А.М. Дневник мыслей: 1943-1957 гг. Т. 1 – 4. Вст. статья, подг. текста, прим. А.М. Грачевой, О.А. Линдеберг, А.С. Урюпиной, Л.В. Хачатурян. – СПб.: Пушкинский Дом, 2013 – 2020.
14. Шестов, 1976, с. 235-252.
15. См. подр.: Грачева, 2013, с. 9-10.

16. Ремизов, 2002b, с. 500. См. также: Грачева, 2021, с. 346-379; Фролова, 2009, с. 81-99; Новоселов, 2006. 25 октября:18; 1 ноября: 19; 8 ноября: 23.
17. Флоренский, 1996, с. 419.
18. Флоренский, 1996, с. 421-422.
19. Запись 25 января 1953 года. РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 44 Об.
20. Запись сна с 25 на 26 января 1953 г. РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 45, 46.
21. Запись сна в ночь с 14 на 15 января 1953 года. РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 34.
22. Запись сна в ночь с 16 на 17 марта 1953 года. РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 90.
23. Более точно: «сложное сотрудничество памяти и воображения с часто непредсказуемым исходом» // [Набоков], 2021, с.11.
24. Запись сна в ночь с 15 на 16 января 1953 года. РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 34.
25. Запись сна в ночь с 13 на 14 февраля 1953 года. РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 66.
26. Запись сна в ночь с 21 на 22 февраля 1953 года. РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 45. Л. 73.
27. Ремизов, 2002а, с. 429 - 431.
28. Ремизов, 2002а, с. 472.
29. См.: Слобин, 1994, с. 157–165.
30. Подготовка текста О.А. Линдеберг, комментарий А.М. Грачевой, Л.В. Хачатурян.

Declaration of competing interest

Authors have no conflict of interest.

Список литературы

- Грачева, А.М., 1992. Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. Отв. ред. А. М. Грачева. Санкт-Петербург.
- Грачева, А.М., 1998. Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву: Ч. 1: Вологда. 1902–1903/ Вступит. ст., подгот. текстов и коммент. А. М. Грачевой. В: Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. Санкт-Петербург.
- Грачева, А.М., 2000. Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху второй русской революции. В: Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 5: Взвихрённая Русь. Москва.
- Грачева, А.М., 2003. Дневник Алексея Ремизова 1941 г. В: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту.

- Грачева, А.М., 2010. Дневник Алексея Ремизова 1941 г. В: Грачева А.М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). Санкт-Петербург.
- Грачева, А.М., 2013. «Дневник мыслей» Алексея Ремизова. В: Ремизов А. Дневник мыслей 1943–1957 гг. Т. 1. Май 1943 – январь 1946.
- Грачева, А.М., 2021. Алексей Ремизов и Борис Савинков: история отношений в письмах и воспоминаниях. *Studia Litterarum*. Т. 6. № 3.
- Набоков, В.В., 2021. Я/ сновидения Набокова/ Сост., публ. и коммент. Г. Барабтарло. Санкт-Петербург.
- Новоселов, В., 2006. Салон на Галкинской. Русский Север. 25 октября. С. 18; 1 ноября, 19; 8 ноября, 23.
- Обатнина, Е.Р., 2018. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. Литературный факт. № 7.
- Обатнина, Е.Р., 2021. Письма З.Н. Гиппиус к С.П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е.Р. Обатниной. В: Литературное наследие. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2. Москва.
- Ремизов, А.М., 1994. Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой. В: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 16. М. Санкт-Петербург.
- Ремизов, А.М., 2000. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Москва.
- Ремизов, А.М., 2002а. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Москва.
- Ремизов, А.М., 2002b. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Москва.
- Ремизов, А.М., 2019. Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. Санкт-Петербург.
- Слобин, Г., 1994. Динамика слуха и зрения в поэтике Алексея Ремизова. В: Алексей Ремизов. Исследования и материалы. [Вып. 1]. Санкт-Петербург.
- Урюпина, А.С., 2015. «Жили одиноко и скрытно». О репутации и литературном окружении А.М. Ремизова в Париже 1920–1930-х годов (по материалам архива писателя в Государственном литературном музее). Октябрь. № 7.
- Флейшман, Л., 2016. Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил». *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Vol. 4.
- Флоренский, П., 1996. Сочинения: В 4 т. Т. 2. Москва.
- Фролова, Е.И., 2009. Борис Савинков: террор как трагедия. Вопросы истории. № 3.
- Шестов, Л., 1976. Дневник мыслей. Континент (Париж). № 8.

References

- Fleishman, L., 2016. Begstvo v Estoniiu. Remizov i revel'skoe izdatel'stvo 'Bibliofil'. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Vol. 4.
- Florenskij, P., 1996. Sochineniia: V 4 t. Т. 2. Moskva.
- Frolova, E.I., 2009. Boris Savinkov: terror kak tragediia. *Voprosy istorii*. № 3.
- Gracheva, A.M., 1992. Volshebnyi mir Alekseia Remizova: Katalog vystavki. *Otv. red. A. M. Gracheva*. Sankt-Peterburg.
- Gracheva, A.M., 1998. Pis'ma A. M. Remizova k P. E. Shchegolevu: Т. 1: Vologda. 1902–1903. *Vstupit. st., podgot. tekstov i komment. A. M. Grachevoi*. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god*. Sankt-Peterburg.
- Gracheva, A.M., 2000. Mezhdru Sviatoi Rus'iu i Sovetskoi Rossiei: Aleksei Remizov v epokhu vtoroi russkoi revoliutsii. In: *Remizov A.M. Sbranie sochinenii*. Т. 5: *Vzvikhronnaia Rus'*. Moskva.

- Gracheva, A.M., 2003. Dnevnik Alekseia Remizova 1941 g. In: Aleksandr Blok i ruskaia literatura pervoi poloviny XX veka. Tartu.
- Gracheva, A.M., 2010. Dnevnik Alekseia Remizova 1941 g. In: Gracheva A.M. Zhanr romana i tvorchestvo Alekseia Remizova (1910–1950-e gody). Sankt-Peterburg.
- Gracheva, A.M., 2013. ‘Dnevnik myslei’ Alekseia Remizova. In: Remizov A. Dnevnik myslei 1943–1957 gg. T. 1. Mai 1943 – ianvar’ 1946. Sankt-Peterburg.
- Gracheva, A.M., 2021. Aleksei Remizov i Boris Savinkov: istoriia otnoshenii v pis’makh i vospominaniiax. Studia Litterarum. T. 6. № 3.
- Kodrianskaia, N., 1977. Remizov v svoih pis’makh. Parizh.
- Mel’nikov-Pecherskii, P.I., 1976. Sobr. soch. V 8 t. T. 2. Moskva.
- Nabokov, V.V., 2021. Ia. Snovideniia Nabokova. Sost., publ. i komment. G. Barabtarlo. Sankt-Peterburg.
- Novoselov, V., 2006. Salon na Galkinskoi. Russkii Sever. 25 oktiabria. S. 18; 1 noiabria, 19; 8 noiabria, 23.
- Obatnina, E.R., 2018. Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: nachalo emigratsii. 1921–1922 gg. Literaturnyi fakt. № 7.
- Obatnina, E.R., 2021. Pis’ma Z.N. Gippius k S.P. Remizovoi-Dovgello i A.M. Remizovu (1905–1941) /Podgot. teksta, vstup. Stat’ia i komment. E.R. Obatninoi. In: Literaturnoe nasledstvo. T. 106: Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius. Kn. 2. Moskva.
- Reznikova, N., 2013. Ognennaia pamiati. Vospominaniia ob Aleksee Remizove. Sankt-Peterburg.
- Remizov, A.M., 1994. Dnevnik 1917–1921. Podg. teksta A. M. Grachevoi, E. D. Reznikova; Vstup. zametka i komment. A. M. Grachevoi. In: Minuvshee: Istoricheskii al’manakh. Vyp. 16. M. Sankt-Peterburg.
- Remizov, A.M., 2000. Sobr. soch.: V 10 t. T. 5. Moskva.
- Remizov, A.M., 2001. Sobr. soch.: V 10 t. T. 6. Moskva.
- Remizov, A.M., 2002a. Sobr. soch.: V 10 t. T. 7. Moskva.
- Remizov, A.M., 2002b. Sobr. soch.: V 10 t. T. 8. Moskva.
- Remizov, A.M., 2019. Sobr. soch.: V 15 t. T. 15. Sankt-Peterburg.
- Rozanov, YU.V., 2016. Kurortnyi tekst A.M. Remizova. Vestnik VoGU. Ser. Gumanitarnye nauki. Vyp. 1.
- Shestov, L., 1976. Dnevnik myslei. Kontinent (Parizh). № 8.
- Slobin, G., 1994. Dinamika slukha i zreniia v poetike Alekseia Remizova. In: Aleksei Remizov. Issledovaniia i materialy. [Vyp. 1]. Sankt-Peterburg.
- Uriupina, A.S., 2015. ‘Zhili odinoko i skrytno’. O reputatsii i literaturnom okruzhenii A.M. Remizova v Parizhe 1920–1930-h godov (po materialam arkhiva pisatel’ia v Gosudarstvennom literaturnom muzee). Okt’abr’. № 7.

Further reading

- Кодрянская, Н., 1977. Ремизов в своих письмах. Париж.
- Мельников-Печерский, П.И., 1976. Собр. соч. В 8 т. Т. 2. Москва.
- Резникова, Н., 2013. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. Санкт-Петербург.
- Ремизов, А.М., 2001. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Москва.
- Розанов, Ю.В., 2016. Курортный текст А.М. Ремизова. Вестник ВоГУ. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 1.